

О. Л. КНИППЕР-ЧЕХОВА

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

(Из воспоминаний)

Чехов последний шести лет — таким я знала его: Чехова, слабого физически и крепкого духовно. Чехова, как-то необыкновенно просто, мудро и красиво относившегося к разрушению своего тела из-за того, что «бес влажил в меня бацц!».

Впечатление этих шести лет Чехова — какого-то беспокойства, метания. — точно чайка над океаном, не знающая куда поплывет: смерть отца, продажа Мелихова, продажа своих произведений Марксу, покупка земли под Ялтой, устройство дома и сада, и в то же время сильное тяготение к Москве, к новому, свежему, театральному делу; метание между Москвой и Ялтой, которая казалась уже тюрьмой; же нитьба, поиски клочка земли недалеко от трогательно любимой Москвы и уже почти осуществление мечты, — ему разрешено было врачами провести зиму в Средней России, — мечты о поездке по северным рекам, в Соловки, в Швецию и Норвегию, в Швейцарию, и мечта последняя и самая сильная, уже в Шварцвальде, в Баденвейлере, перед смертью — ехать в Россию через Италию, манившую его своими красками, соком жизни, музыкой и цветами, — все эти мечтания, все мечты были прикончены 2-15 июля его собственными словами: «Их стербе» («Е. Умидра»).

Мы увиделись впервые и познакомились 9 сентября 1898 г. — знаменательный и на всю жизнь незабываемый день.

Никогда не забуду ни той трепетной взволнованности, которая овладела мною еще накануне, когда я прочла записку Владимира Ивановича о том, что завтра, 9 сентября, А. П. Чехов будет у нас на репетиции «Чайки», ни того необычайного состояния, в котором шла я в тот день в Охотничий клуб на Воздвиженке, где мы репетировали, ни того мгновения, когда я в первый раз стояла лицом к лицу с А. П. Чеховым.

И все мы были захвачены необыкновенным, тонким обаянием его личности, его простоты, его неумения «учить», «показывать». Не знали, как и о чем говорить. А он смотрел на нас, то улыбаясь, то вдруг необычайно серьезно, с каким-то смущением, пощипывая бородку и вскидывая пенсне. Недоумевала, как отвечать на некоторые вопросы, а мы-то думали, — вот придет автор и откроет нам все тайны, как надо играть «Чайку». Он отвечал как-то неожиданно, как будто и не по существу, как будто и обще, и мы не знали, как принимать замечание, — серьезно или в шутку. Но так казалось только в первую минуту, и сейчас же, подумав немного, чувствовалось, что это сказанное как бы вскользь замечание начинало проникать в мозг и душу, и от едва уловимой характерной черточки начинала вырастать вся суть человека.

И с этой встречи начал медленно затягиваться сложный узел моей жизни.

Зимой 1898-1899 г. мы сыграли «Чайку» с большим успехом и весной показывали пьесу автору, приехавшему снова в Москву. Большой успех «Чайки», знакомство с Чеховым, радостное сознание, что у нас есть «свой», близкий нам автор, которого мы нежно любили, — все это радостно воодушевало нас.

Этой весной я познакомилась ближе с Чеховым и как-то сразу полюбила всю атмосферу их семьи. Этой весной я ездила дня на три в Мелихово — небольшое имение Антона Павловича, верстах в 12 от ст. Лопasnya Курской жел. дор. и все решительно пленило меня там; пленяли радушие, ласковость, уют, беседы, полные шутки, остроумия.

Кончился сезон и я уехала отдыхать на Кавказ, где жила мой брат с семьей на даче около Мидхета. К этому периоду и относятся первые наши письма. Еще в Москве я обещала приехать с Кавказа в Крым, где Антон Павлович купил участок земли и строил дом. Письмами мы сговорились встретиться на пароходе в Новороссийске около 20 июля и вместе приехали в Ялту, где я остановилась в семье д-ра А. В. Средина, с которой была дружна вся наша семья.

В августе мы с Антоном Павловичем вместе уехали в Москву и ехали на лоша-

дях до Бахчисарая, через гору Ай-Петри. Хорошо было покачиваться на мягких рессорах, дышать напоенным испарением соны воздухом и болтать в милом, шутливом чеховском тоне, и подремывать, когда сильно припекало южное солнце и морило душу зноем.

В Москве Антон Павлович пробыл недолго и в конце августа уехал обратно в Ялту, а уже с 3 сентября начинается наша переписка. В конце марта 1900 г. труппа Художественно-Общедоступного театра решила приехать в Крым с пьесами «Чайка», «Дядя Ваня», «Одинокое» и «Гедда Габлер».

Я приехала еще на страстной с Марьей Павловной, и как казалось уютно и тепло в новом доме Антона Павловича, который летом только еще строился и был нежилым. Все интересовало, каждый пустяк, Антон Павлович любил ходить и показывать и рассказывать, чего еще нет и что должно быть со временем и, главное, занимал его сад, фруктовые посадки.

В это же время был в Ялте и А. М. Горький, входивший в славу тогда быстро и сильно, как ракета. Он бывал у Антона Павловича, и как чудесно, увлекательно, красочно, рассказывал о своих скитаниях.

Тихо, уютно и быстро прошла страстная неделя, неделя отдыха, и надо было ехать в Севастополь, куда прибыла труппа Художественного театра. Уже начались приготовления к спектаклям, приехал Антон Павлович, и жизнь завертелась.

Начался какой-то весенний праздник.

Переехали в Ялту, и праздник стал еще ярче, нас буквально засыпали цветами. И закончился этот праздник феерией на крыше дачи гостеприимной Ф. К. Тартиновой, которая с такой любовью относилась к нашему молодому театру и знала, как и чем выразить свое поклонение Станиславскому и В. И. Немировичу-Данченко, создавшим этот театр. Артисты приезжали часто к Антону Павловичу, обедали, бродили по саду, сидели в уютном кабинете, и как правило все это Антону Павловичу, — он так любил

жизнь подвижную, кипучую, а тогда у нас все упало, кипело, радовалось.

Жаль было расставаться и с югом, и с солнцем, и с Чеховым, и с атмосферой праздника. Но надо было ехать в Москву, репетировать. Вскоре приехал в Москву и Антон Павлович, — ему казалось пусто в Ялте после жизни и смятения, которые внес приезд нашего театра, но в Москве он почувствовал себя нездоровым и быстро вернулся на юг.

Я в конце мая уехала с матерью на Кавказ, и каковы были удивление и радость, когда в поезде Тифлис-Батум я встретила Антона Павловича, Горького, Васнецова, д-ра Алексина, ехавших в Батум. Ехали мы вместе часов шесть до ст. Михайлово, где я с матерью пересела на Боржомскую ветку. В июле я снова гостила у Чеховых в Ялте.

Переписка возобновляется с моего отъезда в Москву в начале августа по 23 октября и прерывается приездом Антона Павловича в Москву с пьесой «Три сестры» до половины декабря, когда Антон Павлович отправляется на юг Франции, в Ниццу, где он прожил около трех месяцев, сильно волнуясь ходом работ в театре над постановкой «Трех сестер».

В Москве он смотрел «Когда мы — мертвые пробуждаемся». К Ибсену Антон Павлович относился как-то недоверчиво и с улыбкой, он казался ему сложным не простым и умственным. Постановке «Снегурки» А. П. тоже не очень сочувствовал; он говорил, что мы пока не должны ставить такие пьесы, а придерживаться пьес типа «Одиноких». Переписка тянется с 11 декабря 1900 г. по 18 марта 1901 г. В начале апреля я ненадолго приезжала в Ялту, а с половины апреля идет опять переписка.

В половине мая 1901 г. Антон Павлович приехал в Москву. 25 мая мы повенчались и уехали по Волге, Каме, Белой до Уфы, откуда часов 6 по жел. дор. в Андреевский санаторий, около ст. Аксеново. По дороге навестили в Нижнем-Новгороде дом кабинета, и как правило все это Антону Павловичу, — он так любил

В Аксенове Антону Павловичу нравились природа, длинные тени по степи после шести часов, фурканье лошадей в табуне, нравились флора, река Дема (Аксаковская), куда мы ездили однажды на рыбную ловлю. Санаторий стоял в прекрасном дубовом лесу, но устроен был примитивно и жить было ему неудобно при минимальном комфорте. Даже за подушками пришлось мне ехать в Уфу. Кумыс сначала пришлось по вкусу Антону Павловичу, но вскоре надоел, и, не выдержав 6 недель, мы отправились домой в Ялту через Самару по Волге до Царицына и на Новороссийск. До 20 августа мы пробыли в Ялте, затем мне надо было возвращаться в Москву, — возобновлялась театральная работа.

И опять начинаются разлуки и встречи, только расставания становятся еще чувствительнее и мучительнее, и уже через несколько месяцев после первой же из них я стала сильно подумывать не бросить ли сцену. Но рядом вставал вопрос, — нужна ли Антону Павловичу просто же на оторванная от живого дела; я чувствовала, что человека-одиночку, который, может быть, тяготился бы ломкой жизни своей и чужой. И он так дорожил связью через меня с театром, возбуждавшим его живейший интерес.

Я невольно с необычайной остротой вспомнила все эти переживания, когда много лет спустя, при издании писем Антона Павловича, я прочла его слова, обращенные к А. С. Суворину еще в 1895 г.: «Извольте, я женюсь, если вы хотите этого. Но мои условия: все должно быть, как было до этого, то-есть она должна жить в Москве, а я — в деревне (он жила тогда в Мелихове), и я буду к ней ездить. Счастья же, которое продолжается изо дня в день, от утра до утра, я не выдержу. Я обещаю быть великолепным мужем, но дайте мне такую жену, которая, как луна, являлась бы на моем небе не каждый день».

Я не знала тогда этих слов, но чувствовала, что я нужна ему такая, какая я есть, и все-таки после моей тяжелой болезни в 1902 году я опять серьезно говорила с нашими директорами о своем уходе из театра, но встретила отпор. С этой поры жизнь А. П. больше, чем прежде, делится между Москвой и Ялтой; начались частые встречи и проводы на Курском вокзале и на вокзале в Севастополе. В Ялте «надо» было жить, в Москву «тянуло» все время. Только зиму 1903-1904 года доктора разрешили ему провести в столице, и как он радовался и умилялся на настоящую московскую снежную зиму, радовался, что можно ходить на репетиции, радовался, как ребенок, своей новой шубе и бобровой шапке!

Первое представление «Вишневого сада» было днем чествования Чехова литераторами и его друзьями. Его это утомляло, он не любил показных торжеств.

Первое представление «Чайки» было торжеством в театре, и первое представление последней его пьесы тоже было торжеством, но как непохожи были эти два торжества! Было беспокойно, в воздухе висело что-то зловещее. Не знаю, может быть, теперь эти события окрасились так, благодаря всем последующим, но что не было ноты чистой радости в этот вечер 17 января, — это верно. Антон Павлович очень внимательно, очень серьезно слушал все приветствия, но времена ми он вскидывал голову своим характерным движением, и казалось, что на все происходящее он смотрит с высоты птичьего полета, что он здесь не при чем, и лицо освещалось его мягкой, лучистой улыбкой, и появлялись характерные морщины около рта, — это он, вероятно, услышал что-нибудь смешное, что он потом будет вспоминать и над чем неизменно будет смеяться своим детским смехом.

Вообще Антон Павлович необычайно любил все смешное, все, в чем чувствовался юмор, любил слушать рассказы смешные и, сидя в уголке, подперев рукой голову, пощипывая бородку, заливался таким заразительным смехом, что я часто, бывало, переставала слушать рассказчика воспринимая рассказ через Антона Павловича. Он очень любил фокусников, клоунов.

Даже за несколько часов до своей смерти он заставил меня смеяться, выдумывая один рассказ. Это было в Баденвейлере. После трех тяжелых, тревожных дней ему стало легче к вечеру. Он послал меня пробежаться по парку, так как я не отлучалась от него эти дни, и, когда я пришла,

Окончание см. на 5 стр.

Последние годы

(Окончание)

Он все беспокоился, почему я не иду ужинать, на что я ответила, что гонг еще не прозвонил. Гонг, как оказалось после, мы просто прослышали, а Антон Павлович начал придумывать рассказ, описывая не обихайно модный курорт, где много сытых, жирных банкиров, здоровых, любящих хорошо поесть краснощеких, англичан и американцев,—и вот все они, кто с экскурсиями, кто с катания, с пешеходной прогулки, одним словом, отовсюду собираются с мечтой хорошо и сытно поесть после физической усталости дня. И тут вдруг оказывается, что повар сбежал и ужина никакого нет,—и вот как этот удар по желудку отразился на всех этих избалованных людях... Я сидела, прикрыв на диване, после тревоги последних дней, и от души смеялась. И в голову не могло прийти, что через несколько часов я буду стоять перед мертвым телом Чехова!

Антон Павлович тихо, спокойно отошел в другой мир. В начале ночи он проснулся и первый раз в жизни сам попросил послать за доктором. Ощущение чего-то огромного, надвигающегося придавало всему, что я делала, необычайный покой и точность, как будто кто-то уверенно вел меня. Помню только жуткую минуту потрясности: ощущение близости массы людей в большом спящем отеле и вместе с тем чувство полной моей одиночества и беспомощности. Я вспоминала, что в этом же отеле жили знакомые, русские студенты—два брата, и вот одного я попросила сбежать за доктором, сама пошла колоть лед, чтобы положить на сердце умирающего. Я слышу, как сейчас, среди давящей тишины июльской мучительно душной ночи звук удаляющихся шагов по скрипучему песку...

Пришел доктор, велел дать шампанского. Антон Павлович сел и как-то значительно, громко сказал доктору по-немецки (он очень мало знал по-немецки): «Их тербел». Потом взял бокал, повернул ко мне лицо, улыбнулся своей удивительной улыбкой, сказал: «Давно я не пил шампанского...», покойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навсегда... И страшную тишину ночи нарушала только, как вихрь, ворвавшаяся огромных размеров черная ночная бабочка, которая мучительно билась о горящие электрические лампочки и металась по комнате...

Бюст А. П. Чехова, работы скульптора В. Морозовой, установленный во дворе чеховского домика в Таганроге.

ЛЕНИН—ЧИТАТЕЛЬ ЧЕХОВА

А. П. Чехов наряду с Пушкиным, Некрасовым, Щедриным, Толстым и Горьким принадлежал к числу писателей, наиболее любимых Лениным.

Самое раннее свидетельство о характере ленинского восприятия произведений Чехова относится к самарскому периоду (хотя, безусловно, Ленин читал его еще в Казани). В своих воспоминаниях о жизни Ленина в Самаре зимой 1892—1893 гг. А. И. Елизарова пишет:

«...Остался у меня в памяти разговор с Володией о появившейся в ту зиму в одном из журналов новой повести А. Чехова: «Палата № 6». Говоря о талантливости этого рассказа, о сильном впечатлении, произведенном им, — Володя вообще любил Чехова, — он определил всего лучше это впечатление следующими словами: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение точно и я заперт в палате № 6». Это было поздно вечером, все разошлось по своим углам или уже спали. Перемолвиться ему было не с кем. Эти слова Володи приоткрыли мне завесу над его душевным состоянием: для него Самара стала уже такой «Палатой № 6», он рвался из нее почти так же, как больной Чехова. И он твердо решил, что порвет с ней следующей же осенью».

Журнал, в котором впервые был напечатан рассказ «Палата № 6», — «Русская мысль», 1892 г., № 11. Этот журнал двадцатидвухлетний Ленин брал в городской Самарской библиотеке. В архиве этой библиотеки нашелся абонемент на имя

Ульяновых за 1893 год. Характер взятых книг свидетельствует о том, что этим абонементом в основном пользовался Владимир Ильич. Кроме того, в абонементе перечислены отдельные номера журналов «Русское богатство», «Вестник Европы», «Русская мысль» и «Северный вестник» за последние месяцы 1892 года и за первые семь месяцев 1893 года (два номера «Русского богатства» за 1893 год сохранились даже с пометками Ленина). Кроме «Палаты № 6», в «Русской мысли» в те месяцы был помещен «Рассказ неизвестного человека», а в «Северном вестнике» — рассказ «Жена».

Ленин следил за чеховскими новинками и в последующие годы. 31 января 1901 года на сцене Московского Художественного театра впервые была поставлена пьеса «Три сестры». Напечатана она была в февральской книжке «Русской мысли» за тот же год. И уже 7 (20) февраля Ленин пишет из Мюнхена своей матери в Москву: «Бываете ли в театре? Что за новая пьеса Чехова «Три сестры»? Видели ли ее и как нашли? Я читал отзыв в газетах. Пре восходно играют в «Художественном — общедоступном», до сих пор вспоминаю с удовольствием свое посещение в прошлом году, вместе с беднягой Колумбом (И. Х. Лалайцем)». (см. «Письма Ленина к родным», стр. 262). По словам Н. К. Крупской, Ленину понравилась другая пьеса Чехова — «Дядя Ваня», которую он смотрел в Московском Художественном театре после ревилюции.

В 1912 — 1916 гг. М. П. Чеховцев № 10 «Книжной летописи» за 1919 год, Ленин отметил «Чехов, писем брата. Издание имело большую успех среди самых различных слоев населения России; эти письма показали Чехова «без грима» — жизнерадостного, остроумного, культурного собеседника. Этим изданием заинтересовался и Ленин. В письме к В. А. Карпинскому из Цюриха от 11 апреля 1916 года Н. К. Крупская пишет: «Владимир Ильич просит посылать ему сюда библиотечные книжки. Просит прислать письма Чехова, если что есть нового из Горького, Фауста по-русски» (XI Ленинский сборник, стр. 219).

В августе 1919 года Ленин просмотрел ряд номеров «Книжной летописи» за 1917, 1918 и 1919 гг. и сделал отметки около тех книг, которые его заинтересовали и которые он просил достать ему. Помимо изданий по политическим и историческим вопросам, Ленин отметил ряд книг по беллетристике, при чем бросается в глаза особая заинтересованность Ленина произведениями Чехова. Так, в № 1 «Книжной летописи» за 1919 год Ленин явственно синим кружком отметил XVII том сочинений Чехова. В № 3 «Летописи» 1919 г. Ленин отметил XVIII том собрания сочинений в котором также напечатаны художественные произведения Чехова. Из 223 книг, перечисленных в № 9 «Летописи» за тот же год, Ленин отмечает только одного Чехова (XXII том), хотя в этом же указателе, почти рядом имеются указания на только-что вышедшие произведения Вересаева, Короленко, Помяловского, Щедрина, Толстого. На первой странице этого выпуска «Летописи» Ленин снова повторил указание на XXII том. И, наконец, на первой страни-

Проект памятника А. П. Чехову в Таганроге. Работа скульптора В. А. Андриеева.

це № 10 «Книжной летописи» за 1919 год, Ленин отметил «Чехов, отсутствующие томы». В этом номере «Летописи» помещено описание XIX, XX и XXI томов сочинений Чехова.

Образы чеховских персонажей сильно запечатлелись у Ленина, он уже в самых ранних работах неоднократно пользовался ими для сравнений. Так, еще при жизни Чехова Ленин пользуется для сравнений образом «Человека в футляре».

Этот рассказ появился в июльской книжке «Русской мысли» 1898 года, а уже в 1901 году в статье «Внутреннее обозрение» Ленин говорит о реакционерах: Прекрасно впитав в себя тот дух низкопоклонства и бумажного отношения к делу, который царит во всей иерархии российского чиновничества, они подозрительно относятся ко всем, кто не похож на гоголевского Акакия Акакиевича или, употребляя более современное сравнение, на человека в футляре (т. IV, стр. 316). В работах Ленина имеется до двух десятков сравнений с образом человека в футляре. В ленинских статьях встречается и другой чеховский образ — «Душечки». Одна из ленинских заметок так и названа: «Социал-демократическая душечка», и посвящена она Потресову.

В своих воспоминаниях о Ленине Н. К. Крупская пишет: «Владимир Ильич при выборе книг по беллетристике особенно любил те книги, в которых отражались в художественном произведении те или иные общественные идеи». Очевидно, поэтому Ленин, так любил произведения Чехова и так часто обращался к его образам.

И. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН.